

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Концептуализация проблем мировой политики сквозь призму теории международных отношений

THEMATIC DOSSIER: Conceptualizing the Problems of World Politics through the Prism of IR Theory

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Научная статья / Research article

Постколониальность в глобальном и региональном измерениях

А.И. Неклесса

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предмет исследования — взаимосвязь двух междисциплинарных направлений в социальных науках, активно развивающихся с 70-х и 80-х гг. XX в.: Постсовременности и Постколониальности. Анализируется ситуация социального транзита и постулируется типологическое родство данных масштабных процессов общественной трансформации — своего рода исторический *rite of passage*. Комплексная реальность, возникающая в лоне Современности, реализует полицентризм, основанный не на этатистской симфонии, а на распределенном по планете множестве корпоративных, групповых и личностных суверенитетов. Концепту глобализации как «финалу истории» — политической и экономической связности современного мира — противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как следствие кризиса институтов всемирной бюрократии, национальных, административных, партийных и прочих унифицирующих механизмов. Внимание обращено на набирающие силу тенденции индивидуализации и приватизации, замещение субординативности субсидиарностью, что отражает кризис национальной государственности. Постсовременность, отрицая прежнее мироустройство, воспроизводит в планетарном масштабе подобие постколониальной ситуации самоопределения, что позволяет обратиться к опыту суверенизации стран, осваивающих свой новый статус в различных версиях его становления. Колониальность при этом понимается как гегемония, выходящая за рамки сложившегося толкования колониализма — это доминантная эманация мира-империума, предлагающего субалтерным иным два модуса поведения: подчинение либо ассимиляцию, отрицая легальность альтернативной самореализации или сопротивления. Политическая деколонизация — исторически недолгий период, в то время как Постколониальность — длительное, комплексное состояние реабилитации бывших колониальных и зависимых территорий с ослабленной субъектностью. Речь также идет о деколонизации — политической, социокультурной и смысловой контргегемонии, отрицающей диктат конъюнктурной картины мира как инструмента модально-ассимилирующего комплекса «знание — власть». Пафос постсовременной, постимперской и постколониальной позиции, в котором присутствуют также тревожные обертоны, декларирует право индивида и сообществ на реализацию оригинальной идентичности, диссимилиацию прежних лояльностей и суверенный поиск альтернатив. Актуальность данной проблематики подтвердили массовые беспорядки, вспыхнувшие в 2020 г. в США и ряде других мест планеты.

Ключевые слова: цивилизация, эволюция, Постсовременность, Постколониальность, деколонизация, гегемония, суверенитет, Мировой Север, Мировой Юг, Африка

© Неклесса А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Статья написана на основе доклада «Постколониальность в контексте цивилизационного и регионального развития», представленного на Конференции с международным участием «Африка в условиях формирования полицентричного мира», Москва, Институт Африки РАН, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Некlessа А.И. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 9—19. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Postcoloniality in Global and Regional Dimensions

Alexander I. Neklessa

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reflects the results of research in the North-South Group focused on the development of the polycentric, personalized and mobile Universe, while the ensemble of interconnected influential concepts (postmodernity and postcoloniality) had been analyzed. The current view on globalization as a political and economic cohesion of the modern world, contrasts the view on global restructuring as a consequence of the crisis of institutions of world bureaucracy, collectivist ideology-party totality, others unifying administrative and sociocultural mechanics. Attention is drawn to the trends of individuation and privatization, substitution of subordination by subsidiarity, which reflects the crisis of the national statehood format. The complex reality that arises in the bosom of modern culture, implements its own polycentricity, based not on the etatist symphony, but on a distributed set of diasporas, corporate or personal sovereignty. Postmodernity, denying the former world order, reproduces the semblance of a post-colonial situation, which allows us to turn to the experience of countries that have gained political sovereignty and mastered their new status in its various versions. Coloniality is understood as the result of hegemony, which goes beyond the prevailing interpretation of colonialism, but as a repressive emanation of the hegemonic world, offering subaltern other two modus of behavior: submission or subjugation assimilation, denying the legality of alternative self-realization or resistance. Pathos of post-modern, post-imperial and post-colonial positions declares the right of the individual and the communities to realize their original identity, dissimulation of former loyalties and sovereign search for alternatives. The universal quest is for political, sociocultural and semantic counter-hegemony, which also denies the current world to be an instrument of the modal-assimilation complex “knowledge — power”. The urgency of this problem was confirmed by the riots that broke out in the United States and other parts of the world in 2020.

Key words: civilization, evolution, postmodernity, postcoloniality, decoloniality, hegemony, sovereignty, Global North, Global South, Africa

Acknowledgements: The article is based on the report “Postcoloniality in the Context of Civilizational and Regional Development” at the Conference with international participation “Africa within the Process of Polycentric World Emergence”, Moscow, Institute for African Studies, Center for the Study of Russian-African Relations and African States’ Foreign Policy, March 31, 2020.

For citation: Neklessa, A.I. (2021). Postcoloniality in Global and Regional Dimensions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 9—19. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-9-19

Не является ли определением истории то, что она существует лишь постольку, поскольку есть нечто, приходящее *после*, и в этом смысле — всегда зависит от будущего?

Морис Мерло-Понти
[Merleau-Ponty 1955: 19]

Крушение биполярного мира, война с террором, наконец, обстоятельства «глобального карантина» отделяют уходящую в воды истории Атлантиду Модернити от неведомой

культуры, определяемой как «мир после нашего времени» — Постсовременности. Вселенский беспорядок, возникающий в процессе цивилизационного транзита, требует пронизательности ума и отменного вкуса. Нынешний планетарный Stunde Null¹ обнулil

¹ «Нулевой час» — термин, означающий уничтожение старых традиций и старт нового порядка вещей. Возник в годы Первой мировой войны, но известность получил после Второй. В промежутке между войнами применялся в значении пересечения некой «красной

многие прогнозы и ожидания. Подспудную разделенность *Universum Humanum* продемонстрировали также беспорядки, вспыхнувшие вслед за гибелью афроамериканца Джорджа Флойда в США, а впоследствии и в других странах, предъявив цивилизации еще одну проблему с многообразными социальными и психологическими аспектами. Теоретической основой бунта, его идейным обоснованием стало междисциплинарное направление исследований, получившее название *Постколониальность*².

Мировой Север и Постсовременность

Одна из препон футур-истории³ — дефицит понятий и категорий для фиксируемой новизны и обнаруживаемых закономерностей, предрекает лексическую скудость при выборе дефиниции нового эона, что затуманивает его специфику. Сложна также сама

черты» в ряде серьезных политических и военных ситуаций.

² См. лозунги демонстрантов, отражающие как социальную ментальность движения: *Respect Existence or Expect Resistance; No Justice, No Peace; Be the Voice, not Echo; Silence is Violence; People Over Profit; Occupy Justice; Burn Everything Down; The Time Is Now*, так и весьма специфическую антирасистскую: *Black Lives Matter; Racism is a Pandemic; Dismantle Whiteness; Fuck White Privilege; Whiteness, White Silence is Violence; White Silence is Compliance*.

³ Логика тут примерно такова: человечество — развивающийся антропологический космос, открытая система, реализующая эволюционный социокод с определенным набором сопряженных траекторий («геном истории» как предзаданное целеполагание социального организма и аутопозиса личности). Предполагается, что постижение гештальта — целостности образа истории — и познание логики ее маршрутизатора вкупе с осмыслением фрактальной структурности событий позволяют, прогнозируя будущее русло истории, декодировать с той или иной степенью успеха характер и последовательности грядущих перемен. Футур-история, таким образом, представляет не осуществленную в событиях действительность, но ее «должный порядок», возможный и вероятный маршрут развития. Полнота жизни, умножение случайностей, спутанность и прерывание последовательностей приносят в сюжет временные искажения, прочие сюрпризы, влияя на точность прогнозов этой дорожной карты. Но даже при хаотизации организации история сохраняет заложенный в нее природой или Творцом код эволюции как тягу к воплощению взыскуемого идеала [Некlessа 2020а].

проблема исторического транзита и диахронной цивилизационной конкуренции — борьбы за будущее: глобальной трансформации социальной реальности и формирования нового устойчивого ансамбля человеческого общежития.

Ландшафт Постсовременности — своего рода институциональные коридоры без стен, в некотором смысле он схож с иллюзорным общежитием ланей и львов, разделенных незримыми барьерами на лужайках Бронкса. Рассуждения о глобализации — это внятный язык привычного режима знания, однако не меньшее, а, пожалуй, большее значение приобретает кризис институтов «всемирной бюрократии» [Rizzi 1939], административных, коллективистских, идеопартийных тотальностей, прочих унифицирующих механизмов. И, напротив, процессы индивидуализации и приватизации ветвящейся футур-истории, расщепления политических структур, замещения субординативности субсидиарностью фиксируются как генеральное направление перемен, попутно демонстрируя кризис национального инстинкта. Возрастает уровень технической и антропологической сложности, коммуникационной связности, происходит синтез новых умений, практик, структур.

У исторического процесса есть лейтмотив — внутренняя логика идеала. Время быстрых трансформаций может, однако, иметь извилистый и даже рекуррентный, возвратный характер: речь идет о радикальных переменах, воплощении групповых инициатив и смещении индивидуальных горизонтов. Пребывая на кромке ветшающей конструкции, мы наблюдаем зарождение цивилизационной альтернативы со своими ценностями и логикой институтов. Специфика среды в сложном мире Постсовременности заключается в множественности суверенитетов с фрактальными обертонами, это результат их свободного делегирования или темпераментного завоевания. Комплексная реальность, возникающая при отрицании соблазнов и плодов массового общества, трансгрессии из мира индустриальной унификации в мозаичность личностного своеобразия, обладает иной по отношению к Современности

формулой полицентризма, основанной не на национальном, а на корпоративном, групповом или персональном суверенитете. Однако в зоне действия прежней социокультурной гравитации природа Постмодерна постигается и определяется все же посредством оптики и категорий современной культуры.

Генезис и очертания этой другой, не территориально-акцентуированной картографии человеческой вселенной, прослеживаются в историях идеологических сообществ и профессиональных корпораций, чье мировидение в данном отношении схоже с зафиксированным в сентенции: «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужбина» [Св. Иустин... 1995: 372]. Или же в персоналистичной философии «кембриджских апостолов», так сформулированной Эдвардом Фостером: «Если надо выбирать между предательством по отношению к моей стране⁴ и предательством к моему другу, то, надеюсь, что у меня хватит смелости предать свою страну» [Forster 1965].

Несовпадение границ происхождения с общностью в представлениях о норме поведения, конфликт культур, другая геометрия лояльности, ее динамика в процессе самопознания продемонстрированы в фильмах «Танцующий с волками», «Аватар» или «Четыре дня в мае».

Речь между тем сегодня идет не столько о религиозной или идеологической идентичности «доменов симпатий», сколько о своего рода Великом политическом аттракторе — универсальном агрегаторе, интегрирующем личностно-мотивированные отказы от национально-территориальной идентификации,

⁴ См.: «Я истину ставлю выше моей родины, и у меня возникает вопрос: многие ли способны поставить истину выше видимого интереса своей родины. А если не могут — то они плохие христиане» (Философия действительности. Интервью с Мерабом Мамардашвили // Мераб Мамардашвили: Метафизика свободы. 1999—2002. URL: <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/deystvitelnost.htm> (дата обращения: 16.06.2020)).

утверждая противостояние земным обобщениям и разделением, сохраняя приоритет внутренних обстоятельств над внешними коллизиями и формируя, таким образом, доминанту иного мироустройства.

Трансмодернизм — сумма разбегающихся антропологических галактик, принципиальное разнообразие миров Постсовременности, ареалов обитания изгоев и пионеров, покидающих вселенную Современности, мутантов, живущих своею жизнью и обустроивающих, подобно предшественникам — *homines moderni* из генерации Модернити, невоплощенные до времени, но вероятные и возможные миры. Занимая социокультурную позицию с отличным от прежнего модуса режимом действия и знания, эти распределенные по планете сообщества генерируют ферменты перемен, оригинальные смыслы, общественные и языковые конструкты, колонизируя внутренние и внешние пространства, культивируя призрачные, зыбкие земли, вычлняя реальность из облачных конструктов и грядущих реализаций. Вторгаясь в изобилие практики, переселенцы преодолевают семантическую немоту, обретают иной язык и различают речь нового зона.

Анализ пестрой феноменологии Постсовременности и партикулярности проявлений социальной молекулярности, определяемой категорией «метамодернизм», парадоксальным на первый взгляд образом смыкается и сопрягается с исследовательским полем, где оперируют категориями «колониальность», «постколониальность» и «деколониальность». Постсовременность, отрицая прежнее мироустройство, воспроизводит во вселенском масштабе подобие постколониальной ситуации, что позволяет обратиться к опыту стран и сообществ, получивших политический / правовой суверенитет и осваивающих новый статус в различных его версиях и пропорциях.

Мировой Юг и Постколониальность

Проблема, возникающая при конструировании человеческого общежития — коллизия принципов социальной организации, связанная, в конечном счете, с различием во взглядах на природу человека.

Истоки одной позиции прослеживаются в христианском учении о несовершенстве этой природы, обосновывая необходимость обуздания, цензурирования, исправления и преодоления людских несовершенств, господства над естеством и как следствие — над природой как окружающей средой, их колонизации, культивации, трансформации. Другой взгляд базируется на возрожденческо-просвещенческой модели — вере в энтузиазм и изначально добрую природу человека, идеалах свободы, равенства и демократии, предполагая борьбу с разного рода господствами и обременениями, включая тяготы универсальной имперскости. По сути, это проблема выбора доминанты социальной эволюции: политический конструктивизм или органицизм, дирижизм или плюрализм. Или в других схожих интерпретациях: «мультикультурное разнообразие — культурный империализм», «динамический хаос — организационный геноцид».

Колониальность наряду с *колонизацией* (заселением, обустройством) и *колониализмом* — широкое исследовательское поле; его специфический предмет: последствия гегемонии, выходящие за рамки сложившегося толкования колониализма с сопутствующей политической и экономической зависимостью, утилизацией природных ресурсов метрополий или иной доминантной системой, включая автохтонную. Неравенство прямо не предполагает унижение, однако располагает к нему. Колониальность — это социокультурное состояние, возникающее вследствие перманентного угнетения подвластной среды, узурпации субъектности, дискриминации суверенной ментальности, идеологической монополии [Neklessa 2020b]. В универсальном смысле — это регрессивная и репрессивная эманация мира-империума, предлагающего субалтерным Другим, по сути два модуса поведения: подчинение либо ассимиляцию, отрицая с тем или иным градусом насилия легальность альтернативной самореализации или сопротивления, рождая острую тоску по утрачиваемой идентичности и субъектности. Предельная форма властной колониальности — имперская оккупация или самооккупация —

состояние, подобное болезни, требующее терапии, и преодолевается оно схожим образом.

Колонизация (чей обертоном — цивилизация) не являлась односторонним процессом; это не только субъект-объектное воздействие (колониализм), но и межсубъектное взаимодействие со сложной гаммой результатов, в числе прочего — эволюционным синдромом и кризисом развития.

Политическая *деколонизация* — исторически недолгий период, в то время как Постколониальность — это длительное, неоднозначное социокультурное состояние бывших колониальных и других зависимых территорий с ослабленной субъектностью. Предметное поле колонизации включает территории на всех континентах планеты⁵. Это универсальное явление мировой истории, равно как и формирование империй — морских и континентальных, с различной траекторией исторического маршрута, предполагавшее включение в имперский текст и контекст иных социокультурных персонажей, переваривая их либо в своем «плавильном

⁵ Так, в Европе, к примеру, строительству межконтинентальной Британской империи предшествовало создание Королевства Великобритания, в процессе которого взаимоотношения с Ирландией включали не только военную интервенцию и экономическую эксплуатацию, но также социокультурную репрессивность и обращение повстанцев в *indentured servants*, продаваемых английским поселенцам в Вест-Индии и Вирджинии на некоторый срок. Другой, несколько иной пример — судьбы восточно-европейских народов (*Volkchen* по характерному выражению Фридриха Энгельса). Или Российская империя со своим институтом торговли людьми (автоколониальность) и колониальными войнами ввиду отсутствия непосредственного выхода к океанам — на сопредельных территориях (наиболее крупные — столетняя Кавказская, но также среднеазиатские, сибирские, дальневосточные, североамериканские походы и присоединения). Будучи разрушенной, как и прочие европейские континентальные империи в начале прошлого века, страна в условиях национальной чересполосицы и слабости гражданского общества (характерная черта постколониальных обществ, определяющая проблемы в государственном строительстве) пережила постимперскую реконструкцию, сформировав «советскую» репрессивную систему. А ее полураспад оставил постсоветскую Россию в ситуации, многие аспекты и характерные черты которой схожи с проблематикой прочих постколониальных стран, обществ и территорий.

котле», либо в ходе возникавших по тем или иным причинам конфронтаций, приводя к расколу, разводу, суверенизации колонизированных территорий и формируя затем на новой, межсубъектной основе антагонистические или партнерские отношения.

Постколониальные исследования — междисциплинарное направление, сумма интеллектуальных усилий по осмыслению процесса перемен в специфической галактике обществ, обретавших суверенитет, и в своем нынешнем виде существенно интегрированной и модифицированной Севером. Речь также идет об актуальном и прогнозируемом влиянии данного персонажа на состояние человеческого космоса, его определенных аналогиях с «третьим сословием» — инициатора исторического переворота, некогда утвердившего в правах Современность⁶. Этот разнообразный в культурном и социальном отношении мир приступает, однако, к национальному строительству по лекалам Современности в то время, когда цивилизация переходит к созиданию иной социокультурной архитектуры — постмодернизации.

Таким образом, тема *Постколониальности* возникает на пороге XXI в. синхронно с актуализацией темы *Постсовременности*, являясь осмыслением взаимно комплементарных и взаимно контаминирующих процессов, развивающихся в едином русле истории, прививая к сложившемуся порядку вещей ветви иной культуры жизни. Другим определением Постколониальности (в прежней лексике) мог бы стать, скажем, «социокультурный антиимпериализм постмодерна». Постсовременность предполагает Постколониальность как часть общей динамики перемен в сложноподчиненном ансамбле «Север — Юг — Запад — Восток».

Предмет постколониальных исследований — комплекс проблем и практик, возникающих после освобождения субъекта от имперского либо иного доминирования и его перехода к суверенному самоуправлению. Между тем изживаемая, но мимикрирующая

и реплицируемая зависимость, стойкость стереотипов, равно как и опасения возвратных неурядиц и aberrаций, сопровождают траектории национальной и персональной эволюции, сдерживая становление внятной идентичности. И в зависимости от обстоятельств субъектам-в-становлении доводится заигрывать с крайностями как ассимиляции (социокультурная колониальность), так и отчуждения (автоколониальность).

Сопряжение деколонизации как политического процесса, нередко abortирующего культурные связи, и Постколониальности как специфического социокультурного состояния — фундаментальная проблема бывших колониальных, зависимых либо иным образом подчиненных сообществ, включая обширный регион подобных трансформаций — Африку как сообщество новых наций. Континент долгое время находился в фокусе интеллектуального внимания и венчурного проектирования, став едва ли не генеральным объектом постколониальных исследований. Однако проблема оказалась шире и глубже: деколонизальность имеет как региональный, так и глобальный аспект, что подтвердили недавние события в США и мире.

Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и сообщества, получившие политический суверенитет, подвергают сегодня критике исторический опыт и сомнению — цивилизационный маршрут, охлаждая постсовременный пыл и внося неопределенность в контрапункт глобальной перестройки.

Борьба за будущее

Постколониальность может восприниматься как разновидность национализма, но таковой она не является — всколыхнувшаяся проблематика шире, это нечто иное.

Предметное поле постколониальной аналитики очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуации на Африканском континенте или даже всей калейдоскопичной реальности развивающихся стран после обретения ими независимости⁷. Проблематика

⁶ «Этот третий мир — игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то» [Sauvy 1986: 82].

⁷ Характерный штрих: профильный журнал «Азия и Африка сегодня» отверг данную статью даже без рассмотрения ее рецензентами с формулировкой

послевоенной деколонизации дополняется феноменологией латиноамериканских, азиатских и в 1970 гг. — европейских антиавторитарных революций, начиная с «революции гвоздик» в Португалии.

Исследуемая проблема отражает один из аспектов общей несправедливости земного, в том числе современного, мироустройства, его внутреннюю асимметрично-властную разделенность, воспроизводимую в разных исторических обстоятельствах в различных формах и конфигурациях системы сдержек и противовесов. В конечном счете это вопрос политики — определения и закрепления оптимального баланса сил и средств, обеспечивающего выживание и развитие.

Присутствие темы Постколониальности в композициях Постсовременности усложняет конструирование образов высокотехнологичного мира и становление высокоорганизованного и гармоничного строя, прогнозируя вселенское разделение и те или иные антиутопии. Проблема человеческой ущемленности в перспективе лишь усугубляется относительно ее прежней исторической аранжировки, порождая системные страхи и отражая драму «последнего класса» париев и масс в сценариях индивидуации избранных и приватизации ими жизни. Модель разделенного общества и борьбы «классов передвижения» по загубленному и отторгнутому миру представлена в фильме «Сквозь снег» и более подробно — в последующем одноименном сериале.

Критика и рецептура пересмотра репрессивных аспектов социокультурного кода Современности связаны с именами Карла Маркса, Фридриха Ницше, Альберта Эйнштейна, Зигмунда Фрейда и других. Влияние же на генезис собственно постколониальной культурной оптики и ее трансляцию оказали:

— общий академический ориентализм *per se* (научное сообщество от исследователя «цивилизации ацтеков» Александра Гумбольдта [Humboldt 2014] до наших дней);

— французская (по преимуществу) философия XX в. (Ролан Барт, Феликс

Гваттари, Жиль Делез, Жак Деррида, Жак Лакан, Эммануэль Левинас, Жан-Франсуа Лиотар, Жан-Поль Сартр, Клод Леви Стросс, Мишель Фуко) [Postcolonial Thought in the French Speaking World 2009];

— неомарксизм Франкфуртской школы [Адорно 2003; Маркузе 2011; Фромм 1992] или политизированные антизападные вариации в духе «социалистической ориентации» [Социалистическая ориентация освободившихся стран... 1982] и «теории разделения» [Амин 2007].

Постколониальность с ее опытом интерпретаций в духе Эдварда Саида [Said 1978], Гаятри Спивак [Spivak 1988], Хоми Бхабха [Bhabha 1994], Лиилы Ганди [Gandhi 1998] предстает как универсальный и космополитичный феномен (обертон — *постцивилизация*), реконструируя права поверженного Другого и подверженной унижению инаковости [Fanon 1963] на реституцию собственной версии ментальности, социальную организацию, политическую манифестацию и культурную эскалацию, а также на критический и страстный диалог с властным официозом, извлекая образ нового мира из трещин прежнего. В сфере же знания подвергается сомнению претензия современного интеллектуального и социокультурного стандарта на модальный монолог, расценивая подобную позицию как «культурный колониализм».

В отличие от прописей политической деколонизации постколониальная теория мыслит мир другими идеалами, проблематизируя культурную ригидность и социальную антагонистичность, противопоставляя им эмансипацию и самоорганизацию. Постколониальный дискурс интегрирует в своих проскрипционных списках практики широко понимаемой колониальности с претензией на их удаление из исторической памяти. Неполный их список содержит постимперские, милитарные, расовые, этнонациональные, языковые, миграционные, гендерные, феминистские, экологические, а также иные предрасположенные к угнетению формы межличностных взаимодействий — гастарбайтерство, офисное и патриархальное «рабовладение» и т. д. Акцент при этом делается не

«Такого рода глобальная тематика — вне формата нашего журнала».

только на гражданском равноправии, десегрегации и демократизации, но также на легитимации самого принципа особой субъектности, «эффективном равенстве», выводя покоренные насилием оригиналы из-под груза и гипноза привнесенных несовершенств как с той, так и с другой стороны.

Художественная интерпретация объективации личности представлена в незавершенной трилогии Ларса фон Триера — фильмах «Догвилль» и «Мандерлей», овеществление индивида — в недавнем отзвуке той же темы в «Преимуществах путешествий поездами» Аритца Морено или «Дау» Ильи Хржановского, сложное соподчинение людей — в «Ночном портье» Лианы Кавани. Сознательные и бессознательные аллюзии отличают эти произведения от традиционных интерпретаций темы наподобие «Соединенного королевства» Аммы Асанте, толкующего ту же тематику, но в прежней стилистике постколониального дискурса.

Деколониальность — осознанная критическая и деятельная позиция [Mingolo, Walsh 2018; Maldonado-Torres, France, We, Radebe 2019; Глостанова 2020], производящая, координирующая и суммирующая практики атакующего поведения и рефлексии, имеющие целью коррекцию социальных институтов. Речь идет о противодействии институциональному угнетению (предубеждение плюс власть). Сливаясь с постмодернистским кругом идей и практик, деколониальность стимулирует интеллектуальный и социальный акционизм, направленный против объективации подвластной личности, подавления креативной экспрессии и ущемления своеобразной ментальности. Но также она рискует оказаться источником, подпитывающим очередную версию «идеологии ненависти», и это серьезное противоречие.

В стремлении преодолеть униженность прошлым деколониальная терапия рекультивирует былое и стигматизирует прошлое, пытаясь достичь в данной социокультурной реинкарнации пределов промысленного. Внимание и усилия концентрируются не столько на перипетиях борьбы за независимость и политической модальности в категориях *pro* или

contra, сколько на цивилизационной компенсации и культурной оригинальности, перестраивая в духе «золотой легенды» историю, смысловые поля, трансформируя психологический ландшафт и социальную ментальность («*фактам мы предпочитаем правду*»).

Процесс сопрягается с критическим восприятием всей совокупности имперских концептов, авторитарных рецептов, прочих навязчивых влияний. В свою очередь, критическое восприятие модернизации [Эйзенштадт 1999] стимулирует генезис альтернативных практик развития. Отдельная проблема — трансляция и совместимость систем ценностей и правовых норм в ходе непростого транзита. Контур же универсального эпистемологического переворота предьявлен в претензии на пересмотр сциентистского, шире — катафатического модуса и схоластического, монологичного нарратива «гуманитарных наук».

Эволюционный транзит

Речь, в сущности, идет о становлении обширной смысловой, социокультурной и политической контргегемонии [Граммши 1991], выходящей из длительной исторической рокировки. В постколониальной дискурсивной практике американских кампусов диспозиция примерно такова: человек предрасположен к совершенству («исправление сердца»), а люди способны к самоосвобождению и утверждению идеала («исправлению мира»). Дикость, подспудно присутствующая в человеческой природе, втягивается в эволюционный процесс — изменение нравственной конституции: мы не наблюдаем мир, мы его создаем. Другими словами, революции идей противопоставлена революция отношений. Проблема, однако, остается.

Критический пафос и категорический идеал постсовременной, постимперской и постколониальной терапии декларирует и продвигает права индивида и сообществ на оригинальную идентичность и диссимилиацию лояльностей, свободную социальную композицию и поиск политических альтернатив, подавляя современный модально-ассимилирующий комплекс «знание — власть»,

остающийся под подозрением. Вместе с тем продвижение к суверенности приносит мучительное осознание безнравственности пережитого в прошлом, стимулируя экстремизм и неистовство при опровержении авторитарных установлений. В локальных расовых и социокультурных водоворотах («На улице пена цунами со сполохами расизма»⁸) присутствует не только традиционная антиэлитная враждебность с примесью неоархаики погрома, но и парадоксальная на первый взгляд тяга к брутально-карнавальной индигенности. Гнев прозрения распечатывает подавленные страсти, указывая Фирсу путь Акакия Акакиевича, обретающего мощь («суперсилу») глобального Франкенштейна.

Негативная версия становления персоны при нарастании внутреннего и внешнего бунта представлена в оscarоносном «Джокере» Тодда Филлипса — своего рода «романе воспитания» протеста.

Современность столкнулась с диверсией истории как компенсации за несовершенное бытие. Не являясь мейнстримом постмодернистского продвижения, деколониальный извод все же срезонировал, заявив о себе и предъявив претензию на присутствие в актуальной повестке. И заодно пробудил тени разномыслящих, союзников, представив летом 2020 г. мировой перформанс как микс из йиппи⁹ и «черных пантер», ностальгии по Парижу-68 и акционизму антиглобализма, проведя ревизию имеющихся в наличии антисистемных альтернатив. Ситуация порой пробуждала также память о столкновениях конфедератов с федералистами, но в непривычной аранжировке, с иными персонажами, другими средствами и с решительно

отвергнутым, радикально переписанным сценарием «Рождения нации» Дэвида Гриффита, влияя на «большую политику» и претендуя на новое издание общественного договора¹⁰.

Попытки уничтожить память о былом и обрести чаемое, приблизив конец отрицаемой истории, чреватые соблазнами лидерства в деструкции. Длительная нестабильность может обернуться сбоем исторического маршрутизатора и обрушением цивилизации. Уместно вспомнить всплывающую временами тему политического мессианизма, притяжения и постижения странного идеала наподобие предполагаемой связи Махмуда Ахмадинежада с апокалиптически-ориентированным направлением ислама [Khalaji 2008]. Или ряд других идеократичных по форме, но гностических по духу умонастроений, связанных с темой рукотворного апокалипсиса. Библейское «мене, текел, упарсин» — трагическая последовательность, развернутая как закономерность Аристотелем (анамнез, диагноз, прогноз) — грозит подобными производными от темпераментной политики, учитывая широкие возможности индустриальной цивилизации.

Глобальная критическая ситуация может быть также активирована эколого-климатическим катаклизмом, адаптацией микроорганизмов к фармакологическим воздействиям, высоколетальной пандемией, распространением мутаций, геофизической аномалией или даже падением крупного небесного тела. Результатом подобных событий либо их комбинации может стать форсированный обстоятельствами демографический переход и деградация цивилизации.

В турбулентных водах нового эона, штормах суверенных страстей, факториале возможностей мир противостоит сам себе, впитывая капризность набирающей темп яви.

⁸ См. различные точки зрения по данному вопросу: Костецкий С. Черные начинают и выигрывают. Темнокожие борцы за равноправие не любят белых. Почему в США это не считают расизмом? // Lenta.ru. 13.06.2020. URL: https://lenta.ru/articles/2020/06/13/hate_and_racism/ (дата обращения: 16.06.2020); Черняховский С. Черная Месса афронацизма // Km.ru. 15.06.2020. URL: <https://www.km.ru/world/2020/06/14/problemu-migrantov-v-mire/874615-chernaya-messa-afronatsizma> (дата обращения: 16.06.2020).

⁹ Йиппи — леворадикальное контркультурное движение в США на рубеже 1960—1970-х гг.

¹⁰ Интересно сопоставить волну свержения памятников героям Конфедерации в США с украинским «ленинопадом», упразднением нацистских мемориалов в Германии, просоветских и пророссийских монументов в Восточной Европе и в постсоветских странах, памятников, связанных с имперским прошлым, в СССР и с колонизацией — в российских регионах (Чечня, Тюмень и т. п.), коммунистических — в России в 1990-е гг.

Вглядываясь в умножающиеся горизонты бытия, задумываешься: сохранится ли стремительно ветшающих уставах нравственный закон, удерживая обретенные рубежи

человечности? Будущее при всех переживаемых перипетиях — чертеж, меняющийся в процессе работы, иначе — что есть эволюция.

Поступила в редакцию / Received: 12.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список

- Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- Амин С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
- Грамини А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991.
- Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ-Астрель, 2011.
- Неклесса А.И. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира // Полис. Политические исследования. 2020а. № 2. С. 153—166. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11
- Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ — прогноз — управление) // Экономическая наука современной России. 2020б. № 4 (91). С. 132—146.
- Св. Иустин, философ и мученик: творения / предисл. А.И. Сидорова. М.: Благовест, 1995.
- Социалистическая ориентация освободившихся стран: некоторые вопросы теории и практики / под ред. К.Н. Брутенца, А.А. Громыко, А.В. Кива и др. М.: Мысль, 1982.
- Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 66—84.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Bhabha H. *The Location of Culture*. Routledge, 1994.
- Fanon F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1963.
- Forster E. *Two Cheers for Democracy*. Boston: Mariner Books, 1965.
- Gandhi L. *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. New York: Columbia University Press, 1998.
- Humboldt A. *Views of the Cordilleras and Monuments of the Indigenous Peoples of the Americas: A Critical Edition*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
- Khalaji M. *Apocalyptic Politics: On the Rationality of Iranian Policy* // Policy Focus Series of the Washington Institute for Near East Policy. 2008. No. 79. P. 1—39.
- Maldonado-Torres N., France M.F.M., We J.E.A., Radebe Z. Editorial Introduction: Frantz Fanon, Decoloniality, and the Spirit of Bandung // *Bandung: Journal of the Global South*. 2019. Vol. 6. Iss. 2. P. 153—161. DOI: 10.1163/21983534-00602001
- Merleau-Ponty M. *Les Aventures de la dialectique*. Paris: Gallimard, 1955.
- Mingolo W., Walsh C. *On Decoloniality: Concept, Analytics, Praxis*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Postcolonial Thought in the French Speaking World* / ed. by C. Forsdick, D. Murphy. Liverpool: Liverpool University Press, 2009. DOI: 10.5949/UPO9781846319808
- Rizzi B. *La Bureaucratization du Monde*. Paris: Les Presses Modernes, 1939.
- Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
- Sauvy A. *Trois Mondes, Une Planète* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 1986. No. 12. P. 81—83.
- Spivak G.C. *Can the Subaltern Speak?* // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Basingstoke: Macmillan Education, 1988. P. 271—313.

References

- Adorno, T. (2003). *Negative Dialectics*. Moscow: Nauchnyi mir publ. (In Russian).
- Amin, S. (2007). *The Virus of Liberalism. Permanent War and the Americanization of the World*. Moscow: Evropa publ. (In Russian).
- Bhabha, H. (1994). *The Location of Culture*. Routledge.
- Brutents, K.N., Gromyko, A.A., Kiva, A.V. et al. (Eds). (1982). *Socialist Orientation of the Liberated Countries: Some Questions of Theory and Practice*. Moscow: Mysl' publ. (In Russian).

- Eisenstadt, S. (1999). *Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Fanon, F. (1963). *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press.
- Forsdick, C., & Murphy, D. (Eds.). (2009). *Postcolonial Thought in the French Speaking World*. Liverpool: Liverpool University Press. DOI: 10.5949/UPO9781846319808
- Forster, E. (1965). *Two Cheers for Democracy*. Boston: Mariner Books.
- Fromm, E. (1992). *Human soul*. Moscow: Respublika publ. (In Russian).
- Gandhi, L. (1998). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction*. New York: Columbia University Press.
- Gramsci, A. (1991). *The Prison Notebooks*. Moscow: Politizdat publ. (In Russian).
- Humboldt, A. (2014). *Views of the Cordilleras and Monuments of the Indigenous Peoples of the Americas: A Critical Edition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Khalaji, M. (2008). Apocalyptic Politics: On the Rationality of Iranian Policy. *Policy Focus Series of the Washington Institute for Near East Policy*, 79, 1—39.
- Maldonado-Torres, N., France, M.F.M., We, J.E.A., & Radebe, Z. (2019). Editorial Introduction: Frantz Fanon, Decoloniality, and the Spirit of Bandung. *Bandung: Journal of the Global South*, 6(2), 153—161. DOI: 10.1163/21983534-00602001
- Marcuse, G. (2011). *Critical Theory of Society: Selected Works on Philosophy and Social Criticism*. Moscow: AST-Astel publ. (In Russian).
- Merleau-Ponty, M. (1955). *Les Aventures de la dialectique*. Paris: Gallimard. (In French).
- Mingolo, W., & Walsh, C. (2018). *On Decoloniality: Concept, Analytics, Praxis*. Durham, NC: Duke University Press.
- Neklessa, A.I. (2020a). The Privatization of Future. *New Semantics, Concept & Practice of the Global Society. Polis. Political Studies*, (2), 153—166. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11
- Neklessa, A.I. (2020b). The Transit of Civilization: Methodological and Prognostic Aspects. *Economics of Contemporary Russia*, 4(91), 132—146. (In Russian).
- Rizzi, B. (1939). *La Bureaucratization du Monde*. Paris: Les Presses Modernes. (In French).
- Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
- Sauvy, A. (1986). Trois Mondes, Une Planète. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, (12), 81—83. (In French).
- Spivak, G.C. (1988). Can the Subaltern Speak? In C. Nelson & L. Grossberg. (Eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Basingstoke: Macmillan Education (pp. 271—313).
- St. Justin, Philosopher and Martyr: Apologies*. (1995). Foreword by A.I. Sidorov. Moscow: Blagovest publ. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2020). The Postcolonial Condition and The Decolonial Option: A Postsocialist Mediation. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (161), 66—84. (In Russian).

Сведения об авторе: Неклесса Александр Иванович — руководитель Группы «Север — Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации; член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Москва (e-mail: neklessa@intelros.ru).

About the author: Neklessa Alexander Ivanovich — Head, the “North — South” Group, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization; Member, Bureau of the Academic Council “History of the World Culture”, the Presidium of the Russian Academy of Sciences (e-mail: neklessa@intelros.ru).